

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(497.11)“04/14”+930”А. В. Соловьёв”

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДУБРОВНИКА В ТРУДАХ РУССКОГО ИСТОРИКА А. В. СОЛОВЬЁВА

И. Г. Воробьёва

Тверской государственный университет, кафедра всеобщей истории,
г. Тверь, Россия

А. В. Соловьёв (1890–1971), выпускник Варшавского университета, известный специалист по истории славянского права, оказавшись в эмиграции, продолжил и развил полноценное научное направление в российской славистике, возникшее ещё в начале XIX в. Возможность работы в библиотеках и архивах королевской Югославии, на Афоне позволили ему опубликовать и проанализировать ряд важных архивных документов по истории права средневековой Сербии и Дубровницкой республики. Публикации А. В. Соловьёва стали доступны в СССР с конца 1940-х гг. и деятельно изучались российскими историками, в том числе в университетах Твери и Воронежа. Было издано несколько дискуссионных статей и монографий по истории права и власти в Дубровницкой республике, основанных в том числе и на публикациях законодательных документов, осуществлённых А. В. Соловьёвым в эмиграции.

Ключевые слова: *кафедры славянского права в российских университетах, А. В. Соловьёв, дубровницкий патрициат и его законодательная деятельность, славяноведение в России XIX–XX вв.*

Революционные события 1917 г. не могли не повлиять на судьбы российских историков-славистов, сложившиеся научные школы и направления. Обратим внимание на те, которые получили «новое дыхание» в трудах русских историков-эмигрантов. Речь пойдет об истории славянских законодательств, выдающимся исследователем которых был Александр Васильевич Соловьёв (1890–1971).

Имя и работы А. В. Соловьёва упоминаются во многих изданиях, посвященных истории русской эмиграции. Впервые краткая биографическая справка с портретом историка была представлена в книге В. Т. Пашуто¹. Член-корр. АН СССР В. Т. Пашуто собирал и фиксировал библиографические материалы о русских историках в эмиграции уже с 1950-е гг., состоял со многими в переписке. Он вел переговоры и с вдовой А. В. Соловьёва о передаче его архива в Академию наук, но, к сожалению, сумел получить только часть рукописного наследия. Не успел В. Т. Пашуто и завершить

¹ Пашуто В. Т. Русские историки эмигранты в Европе. М., 1992. С. 232–233.
Pashuto V. T., *Russkie istoriki emigranty v Evrope*, М., 1992, S. 232–233.

задуманную монографию о русской эмигрантской историографии. Частично она была опубликована в 1992 г. под редакцией Б. В. Лёвшина. В этом издании представлена «Опись части архива проф. А. В. Соловьёва» и напечатана краткая биографическая справка, полученная от его вдовы и сына Александра. Сведения в ней используются во многих словарных статьях.

С трудами ученого советские историки познакомились зимой 1946 г., когда впервые делегация археологов приехала в Белград². В то время А. В. Соловьёв был профессором юридического факультета Белградского университета. О его встрече с археологом В. И. Равданикасом вспоминал коллега и товарищ А. В. Соловьёва В. А. Мошин (1894–1987). Он писал: «Одной из первых русских делегаций была группа советских историков и филологов... которые проявили большой интерес к ознакомлению с русской научной жизнью в период эмиграции и к судьбе русских ученых, в частности особенно интересовались судьбой Александра Львовича Погодина. Я с А. В. Соловьёвым провели к Погодину Равданикаса, который пришёл в изумление от бедной квартирки знаменитого слависта»³. Вероятно, в результате этого общения и появились в советских научных изданиях публикации А. В. Соловьёва по русской истории⁴.

На смерть учёного в 1971 г. в Женеве откликнулась эмигрантская печать, некрологи опубликовали «Русская мысль», «Новое русское слово» и др. В 1976 г. в «Записках Русской академической группы в США» был напечатан библиографический список работ историка, составленный его сыном А. А. Соловьёвым. В нём 216 наименований. Библиографии предшествовала небольшая мемориальная заметка Н. Е. Андреева⁵.

Научные связи А. В. Соловьёва с советскими историками Д. С. Лихачёвым, А. А. Зиминим, А. Г. Кузьминым, Г. Г. Литавриным, Б. А. Рыбаковым, В. Л. Яниним, И. П. Шаскольским развивались в переписке. Этот сюжет представлен в статье А. В. Антошина, изучавшего Русский архив Лидса (Великобритания)⁶. Факты биографии А. В. Соловьёва изложены

² Досталь М. Ю. Как Феникс из пепла... // Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. М., 2009. С. 387–394.

Dostal' M. Yu., *Kak Feniks iz pepla...*, Otechestvennoe slavyanovedenie v period Vtoroi mirovoi voiny i v pervye poslevoennye gody, M., 2009, S. 387–394.

³ См.: ОР ГПБ. Ф. 1000. Оп. 7. № 104. См.: Из воспоминаний академика, протоирея Владимира Мошина // Косик В. И. Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000. С. 202–203.

OR GPB. F. 1000, Op. 7, № 104; Iz vospominanii akademika, protoireya Vladimira Moshina, Kosik V. I., *Russkaya tserkov' v Yugoslavii (20–40-e gg. XX veka)*, M., 2000, S. 202–203.

⁴ Соловьёв А. В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 24–38.

Solov'ev A. V., *Velikaya, Malaya i Belaya Rus'*, Voprosy istorii, 1947, № 7, S. 24–38.

⁵ См.: Записки Русской академической группы в США. Том X. Юбилейный. New-York, 1976. С. 215–229.

Zapiski Russkoi akademicheskoi gruppy v SShA, Tom X, Yubileinyi, New-York, 1976, S. 215–229.

⁶ Антошин А. В. Научные связи А. В. Соловьёва в эмиграции в 1950–1960-е гг. (по материалам Русского архива в Лидсе) // Славяноведение. 2010. № 4. С. 49–54.

кратко, в основном со ссылками на статью белградского профессора-юриста С. Аврамовича.

Большая, обстоятельная и эмоциональная биографическая статья была написана сербским профессором С. Аврамовичем для коллективного издания «Русская эмиграция в Югославии»⁷, подготовленного российскими и сербскими историками по архивным материалам. В ней впервые дана развёрнутая оценка трудов А. В. Соловьёва по истории сербского права.

Важные свидетельства о жизни семьи Соловьёвых, о работах историка над «Словом о полку Игореве» представлены в статье славистов Х. Баран и Е. В. Душечкиной, имевших возможность работать с несколькими фондами⁸.

Свои личные впечатления о русских эмигрантах в Югославии записал А. Б. Арсеньев, собравший большой архив, переданный в Дом Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына. За последние годы А. Б. Арсеньев издал несколько больших статей и книгу⁹, он регулярно и бескорыстно помогает российским историком, кинематографистам, краеведам в воссоздании того вклада который внесли эмигранты из России в культуру Югославии. Его многолетняя работа – основа для будущих аналитических исследований, в том числе и о деятельности А. В. Соловьёва, сына которого А. Б. Арсеньев знал лично.

Работы А. Б. Арсеньева цитируются и в недавно вышедшей книге Е. А. Бондаревой¹⁰. Она посвящена мировоззрению деятелей русской эмиграции, в одной из глав рассмотрены публикации А. В. Соловьёва по русской истории и общественной мысли, приведены факты биографии историка. В книге переиздана его статья «Святая Русь» (Очерк развития религи-

Antoshin A. V., *Nauchnye svyazi A.V. Solov'eva v emigratsii v 1950–1960-e gg. (po materialam Russkogo arkhiva v Lidse)*, Slavyanovedenie, 2010, № .. S. 49–54.

⁷ Аврамович С. Житие и труды Александра Соловьёва, корифея истории права // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 237–250.

Avramovich S., *Zhitie i trudy Aleksandra Solov'eva, korifeya istorii prava*, Russkaya emigratsiya v Jugoslavii, М., 1996, S. 237–250.

⁸ Баран Х., Душечкина Е. В. Вокруг «Слова о полку Игореве». Из переписки Р. О. Якобсона и А. В. Соловьёва // Славяноведение. 2000. № 4. С. 50–78.

Baran Kh., Dushechkina E. V., *Vokrug «Slova o polku Igoreve»*. Iz perepiski R.O. Yakobsona i A.V. Solov'eva, Slavyanovedenie, 2000, № 4, S. 50–78.

⁹ Арсеньев А. Б. У излуины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999; *Он же*. Русская эмиграция в Дубровнике // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2010. Вып. X. С. 75–140.

Arsen'ev A. B., *U izluchiny Dunaya. Ocherki zhizni i deyatel'nosti russkikh v Novom Sadu*, М., 1999; Arsen'ev A. B., *Russkaya emigratsiya v Dubrovnike*, Evropa: Mezhdunarodnyi al'manakh, Tyumen', 2010, Вып. X, С. 75–140.

¹⁰ Бондарева Е. А. Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья: Работы русских историков-эмигрантов белградского круга, 1920–1941 гг. М., 2012.

Bondareva E. A., *Pax Rossica. Russkaya gosudarstvennost' v trudakh istorikov zaru-bezh'ya: Raboty russkikh istorikov-emigrantov belgradskogo kruga, 1920–1941 gg.*, М., 2012.

озно-общественной идеи), опубликованная в «Сборнике Русского археологического общества» в 1927 г.

Для истории эмиграции значимы исследования В. И. Косика, освещающие жизнь русских в Югославии и их вклад в науку и культуру страны¹¹, писал он и о А. В. Соловьёве прежде всего как музыковед.

Все авторы отмечают энциклопедические знания А. В. Соловьёва: он был знатоком геральдики, сфрагистики, музыковедом, но всё же основная его профессия – история славянского права. Именно этот сюжет рассмотрен профессором юридического факультета МГУ В. А. Томсиновым¹², хотя и не как самостоятельный. Книга посвящена трудам Ф. В. Тарановского по истории русского права. А. В. Соловьёв в эмиграции в Югославии стал его учеником и единомышленником, так он и представлен в работе В. А. Томсинова.

В сентябре 2015 г. на юридическом факультете Белградского университета прошла международная научная конференция, посвященная 125-летию со дня рождения А. В. Соловьёва¹³. Мной была подана заявка на выступление, опубликованная в Программе конференции. К сожалению, возможности для участия в ней не оказалось, подготовленный доклад переработан в данную статью. В ней анализируются труды А. В. Соловьёва по истории Дубровницкой республики в контексте изучения истории славянского права в российской науке.

Александр Васильевич Соловьёв родился 18 сентября 1890 г. в Калише, под Гродно, в семье русского дворянина. Его отец Василий Фёдорович занимал должность в суде Варшавы, а мать была дочерью известного русского фольклориста П. Н. Рыбникова.

А. В. Соловьёв окончил в 1908 г. Шестую Варшавскую гимназию, в 1912 г. – юридический факультет Варшавского университета, в 1915 г. – историко-филологический факультет того же университета. Кандидатское сочинение, выполненное на юридическом факультете, называлось «История выдачи преступников в международных отношениях России с 911 года

¹¹ Косик В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде: 1920–1950-е годы. М., 2007.

Kosik V. I., *Chto mne do vas, mostovye Belgrada? Ocherki o russkoi emigratsii v Belgrade: 1920–1950-e gody*, М., 2007.

¹² Томсинов В. А. Фёдор Васильевич Тарановский (1875 – 1936). Биографический очерк // Тарановский Ф. В. История русского права / под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. М., 2014. С. VII – XXX.

Tomsinov V. A., *Fedor Vasil'evich Taranovskii (1875 – 1936). Biograficheskii ocherk*, Taranovskii F. V., *Istoriya russkogo prava / pod red. i s predisloviem V.A. Tomsinova*, М., 2014, S. VII – XXX.

¹³ Правовое регулирование в аспекте славянской правовой культуры: Международная научная конференция «125 лет со дня рождения Александра Васильевича Соловьёва» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. 2016. Вып. 1. С. 106–114.

Pravovoe regulirovanie v aspekte slavyanskoi pravovoi kul'tury: Mezhduna-rodnaya nauchnaya konferentsiya «125 let so dnya rozhdeniya Aleksandra Vasil'evicha Solov'eva», Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Ser. 14, 2016, Vyp. 1, S. 106–114.

по XVIII век». К этому времени он свободно владел несколькими славянскими языками (с детства говорил по-польски), мог читать лекции на французском, английском, немецком, итальянском, знал латынь и древнегреческий.

А. В. Соловьёв был оставлен там же для подготовки к профессорскому званию по истории русского права. Сдав магистерские экзамены, получив в 1918 г. звание приват-доцента, он начал вести курс сравнительного славянского права на юридическом факультете родного университета, эвакуированного в Ростов-на-Дону, одновременно читал лекции по русской истории в Археологическом институте.

С 1920 г. научная и педагогическая деятельность А. В. Соловьёва продолжилась в эмиграции в Югославии. Но как историк-правовед он сложился, обучаясь в России в Варшавском университете. Следует рассмотреть обстоятельней период его ученичества и выяснить сущность научной школы истории славянского права, сформировавшейся в Варшавском университете на протяжении XIX в. Эти вопросы пока не оказались в сфере внимания историков русской эмиграции и правоведов.

Русский Варшавский университет был основан в 1869 г. путём преобразования польской Главной школы. Он был признан служить, как отмечал еще дореволюционный историк педагогики и образования С. В. Рождественский, идее «единения Царства Польского с Россией», привлечь польскую молодежь, но стать центром высшего образования и для «русских уроженцев Привислинского края»¹⁴.

Варшавский университет действовал по своему Уставу, несколько отличному от либерального университетского устава 1863 г., и получил особый режим управления. Кафедры занимали в основном выпускники российских университетов, однако нередко вакантные кафедры пустовали¹⁵. Отмечу, что первым ректором Варшавского университета стал славист Петр Алексеевич Лавровский (1827–1886), уроженец Тверской губернии, вслед за ним – его брат Николай Алексеевич (1825–1899), им довелось бороться за привлечение достойных кадров в университет.

О своей службе в Варшавском университете писали многие профессора. Приведу лишь цитату из письма слависта К. Я. Грота (1853–1934) к А. К. Жизневскому, российскому чиновнику польского происхождения. К. Я. Грот сообщал о положении дел с преподаванием русской истории в Варшаве: «Университетские кафедры русской истории едва кое-как замещены, и даже столичные университеты имеют лишь по одному представителю.

¹⁴ *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 587.

Rozhdestvenskii S. V., Istoricheskii obzor deyatel'nosti Ministerstva narodno-go prosveshcheniya. 1802–1902, SPb., 1902, S. 587.

¹⁵ *Иванов А. Е.* Варшавский университет в конце XIX – начале XX века // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.). Варшава, 1995. С. 198–205.

Ivanov A. E., Varshavskii universitet v kontse XIX – nachale XX veka, Pol'skie professora i studenty v universitetakh Rossii (XIX – nachalo XX v.), Varshava, 1995, S. 198–205.

Молодых сил совсем почти нет; по такому капитальному предмету нет приват-доцентов. Эту скудость сил недавно испытали и мы, когда лишившись нашего даровитого профессора и крупного ученого А. И. Никитского, которого надо было заменить достойным преемником. Просто не за кого взяться... и пришлось пригласить магистра духовной академии (еще не имеющего университетской степени) некого Цветаева, брата московского профессора. Впрочем, и Университет наш теперь – пока не будет принят к нему новый устав, является обездоленным – сравнительно с другими русскими университетами – особенно относительно материального положения преподавателей, а поэтому и с этой стороны привлечение в него солидных ученых сил из других университетов оказывается весьма затруднительным»¹⁶.

Если с преподаванием русской истории в Варшавском университете дела обстояли не должным образом, то преподавание истории славянского права здесь имело блестящие результаты. Следует напомнить, что по университетскому уставу 1863 г. впервые учреждалась кафедра истории славянских законодательств. Своих специалистов в России не было. Видимо, министерство рассчитывало на приглашение профессоров из славянских стран. Так, был приглашен известный правовед Вальтазар (Балдо) Богишич, составитель свода законов Черногории, один из организаторов органов юстиции в Болгарии, исследователь обычного, семейного и так называемого «задружного» права. В Одессу в Новороссийский университет он приехал в 1869 г. и занял кафедру истории славянских законодательств. Однако вскоре он получил командировку и уехал за границу, лишь время от времени приезжая в Россию. С трудами В. Богишича и его обширным архивом А. В. Соловьёв будет работать в 1920–1930 гг. в эмиграции в Югославии.

В других российских университетах кафедры истории славянского законодательства так и не открылись. Можно даже предположить, что московские, казанские, петербургские правоведы саботировали историю славянских законодательств, которую сербский ученый С. Аврамович иронично назвал «злосчастной дисциплиной»¹⁷. Профессора-слависты были заняты исследованиями проблем славянской археологии, этнографии, истории, языкознания и литературоведения у славянских народов, к тому же они не имели юридической подготовки. По данным Л. П. Лаптевой, историка университетского славяноведения, за 20 лет номинального существования кафедр истории славянских законодательств не был подготовлен ни один специалист¹⁸. По её мнению, российские юристы не смогли убедительно доказать ее необходимость.

¹⁶ Грот К. Я. – Жизневскому А.К. // Государственный архив Тверской области. Ф. 103. Д. 579.

Grot K. Ya. – Zhiznevskomu A.K. // State Archiv of the Tver Region. F. 103. D. 579.

¹⁷ Аврамович С. Указ. соч. С. 237.

Avramovich S., *Op. cit.*, S. 237.

¹⁸ Лаптева Л. П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. С. 375.

Зададимся вопросом: почему же в Варшавском университете сложилась научная школа истории славянского права? Несомненно, такая ситуация объяснима высококвалифицированным составом юридического факультета. Здесь преподавали правоведы Ф. И. Леонтович (1833–1911) и Ф. Ф. Зигель (1845–1921). Кафедра истории и славянских законодательств действовала в течение всего периода существования Варшавского университета.

В университете А. В. Соловьёв учился у профессора Фёдора Фёдоровича Зигеля¹⁹. Ф. Ф. Зигель, будучи учеником петербургского профессора-слависта В. И. Ламанского, защитил в 1873 г. магистерскую диссертацию «Законник Стефана Душана». С этого года и до конца жизни Ф. Ф. Зигель преподавал в Варшавском университете. Когда университет переехал в период Первой мировой войны в Ростов-на-Дону, он и там продолжил преподавание. У А. В. Соловьёва была возможность слушать лекции профессора по истории славянского права и по энциклопедии права, читать его многочисленные статьи и книги. Важно, что Ф. Ф. Зигель часто посещал европейские университеты, выступал там с докладами и читал лекции. Так, в 1900 г. он прочитал на английском языке цикл лекций об источниках славянского права, в том числе по истории Сербии. Профессора Варшавского университета в своих лекциях и трудах часто обращались к истории западноевропейского права и теоретическим вопросам юриспруденции, что позволяло им рассматривать развитие правовой культуры славянских народов в контексте общеевропейской правовой истории.

Такой подход ранее сформулировал поляк Вацлав-Александр Мацеёвский (1792–1883). Он учился в германских университетах, был слушателем Гегеля и Савиньи, с 1819 г. – профессор Варшавского (польского) университета. Начав преподавание римского права, всю жизнь Мацеёвский посвятил изучению славянских правовых систем. После закрытия университета он издал в 1832 г. первый том «Истории славянских законодательств». Первое издание этого труда состояло из четырёх томов, второе (1856–1865) – из шести.

Труды Мацеёвского не были забыты русскими-правоведами в эмиграции. Публикации А. В. Соловьёва и его старшего коллеги Ф. В. Тарановского (1875–1936), тоже выпускника Варшавского университета, свидетельствуют, что они следовали направлению и традициям, заложенным основоположником славянского права в Варшавском университете.

А. В. Соловьёв вновь встретился с Ф. В. Тарановским в эмиграции в Белграде. Тот с весны 1921 г. получил должность экстраординарного профессора энциклопедии права и истории славянского права на юридическом факультете Белградского университета. А. В. Соловьёв, не имея доктор-

Lapteva L. P., *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v kontse XIX – pervoi treti XX v.*, М., 2012, S. 375.

¹⁹ *Лантева Л. П.* Научная и педагогическая деятельность русского историка права, слависта Ф.Ф. Зигеля // *История и историки*. 2006. М., 2007. С. 257–303.

Lapteva L. P., *Nauchnaya i pedagogicheskaya deyatel'nost' russkogo istorika prava, slavista F.F. Zigelya*, *Istoriya i istoriki*, 2006, М., 2007, S. 257–303.

ской степени (магистерскую диссертацию он не успел защитить в России, и, видимо, рукопись пропала), не мог рассчитывать на получение места преподавателя в университете. Под руководством Ф. В. Тарановского он начал готовить новую диссертацию по истории средневекового сербского права. Тема, предложенная А. В. Соловьёву, отвечала интересам профессора. Исследуя памятники права у славян, Ф. В. Тарановский особое внимание уделял сербским правовым памятникам, особенно Законнику Стефана Душана, созданному в середине XIV в.²⁰ Русский правовед издал в Белграде четыре тома по истории средневекового сербского права. В 1933 г. он был избран в члены Сербской королевской академии наук. А. В. Соловьёв, давая оценку трудам Тарановского в области истории сербского права, писал: «Его заслуга состоит в том, что, изучая историю сербского права, он включил ее в общую схему развития европейских государств и доказал, что средневековая Сербия не была отсталым государством по сравнению с другими европейскими государствами»²¹. Действительно, памятники сербского средневекового права изучались Ф. В. Тарановским в сравнении и сопоставлении с законодательными актами других славянских народов и в контексте европейского средневекового права.

Методологические принципы в изучении славянских законодательств он неоднократно излагал в публичных выступлениях: на съездах русских академических организаций, в заседаниях Русского научного института, в университетских лекциях. Так, в 1928 г. на IV съезде русских академических организаций Ф. В. Тарановский сделал доклад «Славянство как предмет историко-юридического значения». В 1932 г. в заседании Русского научного института в Белграде он прочитал доклад «По поводу столетней годовщины выхода в свет истории славянских прав В.-А. Мацеёвского». Суть этого выступления Соловьёв изложил в заметке, опубликованной в известном эмигрантском издании «Россия и славянство»²². Её стоит процитировать, т. к. автор полностью разделял методологические установки своего старшего коллеги.

Он отмечал, что Тарановский представил в докладе «яркую картину польского славянофильства» во времена царствования Александра I. К славянофильским были причислены и труды И. Раковецкого, издавшего работу по «Русской правде» в 1822 г. с «исследованием обычаев и прав древних славян» и посвятившего её Александру I, «оживившему дух древнего славянства». Как видим, «славянофильство» понималось буквально как «любовь к славянам» и не связывалось с течением русской общественной мыс-

²⁰ Михальчик Р. История сербского права в трудах Фёдора Тарановского // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 223–236.

Mikhail'chich R., *Istoriya serbskogo prava v trudakh Fedora Taranovskogo*, Russkaya emigratsiya v Yugoslavii, M., 1996, S. 223–236.

²¹ Цит. по: Томсинов В. А. Указ. соч. С. XVI.

Tomsinov V. A., *Op. cit.*, S. XVI.

²² См.: Россия и славянство. 1932. № 170.

Rossiia i slavyanstvo, 1932, № 170.

ли. Ранний расцвет польского славянофильства, по словам докладчика, «прервался несчастными событиями 1831 и 1863 гг., принесшими полякам глубокое разочарование в славянской идее». Но Мацеёвский остался верен «своему знамени».

Его многотомный труд оценен русскими правоведами как «смелая и единственная в своём роде попытка», где обрисованы «начала древнейшего славянского права в языческую эпоху, дано изложение всех институтов государственного, уголовного, гражданского и судебного права всех славянских народов до XVII века».

А. В. Соловьёв вслед за Ф. В. Тарановским отмечал, что у Мацеёвского как «сына эпохи славянского романтизма» много фантастических построений, однако главное, что славянство для него – единый объект историко-юридического изучения. Русские историки-правоведы не признали попытку «оставить в стороне понятие славянства в юридической науке, расчленив его ли заменить другими объектами изучения (напр., История права Средней Европы)». Логика их суждений была такой: «Раз славянство существует как историческая реальность, методологически вполне законно изучать историю его правовых систем, так же, как и славянских литератур и языков, пользуясь при этом и методом переживаний, и сравнительным методом». Соловьёв подчеркивал, что «непререкаемая заслуга Мацеёвского именно в том, что он указал это направление и, синтетически охватив все славянство, одинаково внимательно и беспристрастно относился ко всем славянам».

Ф. В. Тарановский предложил А. В. Соловьёву подготовить диссертацию о памятнике середины XIV в. известного в историко-юридической науке как «Законник Стефана Душана». Как уже упоминалось, русские слависты Ф. И. Леонтович, Т. Д. Флоринский и Ф. Ф. Зигель анализировали списки Законника, создалась определённая историографическая традиция, но требовались архивные разыскания, необходим был и источниковедческий анализ статей с выяснением датировки их издания. Эти задачи и следовало решать А. В. Соловьёву.

В 1925 г. он впервые побывал на Афоне, познакомился с библиотекой сербского Хиландарского монастыря, изучил греческие грамоты сербским правителям, которые там хранились. Эти не известные прежде акты представляли реальные правовые отношения в сербском средневековом обществе, для исторической науки имели особую ценность.

По материалам диссертации, защищенной в 1928 г., Соловьёв выпустил две публикации: «Законодательство Стефана Душана, царя сербского и греческого» и «Законник Душана 1349–1354 годов». Обе работы – непревзойдённое до нашего времени историко-правовое исследование памятника сербского права, который сопоставлялся с византийской правовой традицией и рассматривался в контексте с другими законодательными актами и грамотами. Всего о законодательстве Стефана Душана Соловьёв опубликовал около 20 работ.

Историей средневековой Сербии А. В. Соловьёв занимался до конца своих дней, проживая в Швейцарии, покинув коммунистическую Югосла-

вию после увольнения из университета в Сараеве и ареста. По сведениям С. Аврамовича²³, рукопись книги «Законник царя Стефана Душана 1349 и 1354 годов» Сербская академия наук получила в начале 1971 г., а 15 января того же года А. В. Соловьёв скончался в Женеве. Его книга была издана в Белграде в 1980 г.

Огромный вклад в науку внесли публикации А. В. Соловьёвым архивных документов, осуществленные совместно с коллегами-единомышленниками. Так, в 1936 г. вместе с В. А. Мошиным он издал тексты греческих грамот сербских государей, скопированные на Афоне в течение нескольких поездок. Признанием научных заслуг стало включение его в 1938 г. в Редакционную коллегию академического «Сборника источников по древнему сербскому праву». С этими публикациями с 1960-х гг. активно работали советские историки, в частности Е. П. Наумов и В. П. Грачёв²⁴.

Изучая сербское законодательство XIV в., А. В. Соловьёв обратился к фондам архива Дубровника. Сербское государство соседствовало с Дубровницкой республикой, имелись регулярные экономические и политические контакты, зафиксированные в документальных материалах, сохранившихся только в Дубровнике. Законодательные документы Дубровника позволяли изучать влияния византийского и европейского городского законодательства, особенно венецианского.

Дубровник (латинское название – *Ragusa*), основанный в VII в. на скалистом острове Адриатического моря, постепенно приобрел земли на побережье, обозначив границы города мощными каменными стенами. Население города последовательно насчитывало 1500 (начало XII в.), около 4000 (середина XIV в.), 3700 человек (1808 г.). Автохтонное население говорило на диалекте романского языка, проникновение славянских семей (сербы, боснийцы, неретвляне) привело к некоторым лингвистическим изменениям. *Lingva Latina Ragusea*, *lingva vetus Ragusea* – разговорный язык дубровчан документирован в 1348 г. Законодательные документы писались на латинском языке, в документах канцелярии, судебных и нотариальных книгах преобладало венецианское наречие, а в повседневной жизни материнским языком стал славянский, называемый «далматинским».

Экономической основой городской жизни были посредническая торговля с внутренними балканскими землями, ремесленная деятельность, рыболовство. С расширением территории в XV в. важными стали аграрные занятия: выращивание зерновых, оливок и виноградарство.

²³ Аврамович С. Указ. соч. С. 248.

Avramovich S., *Op. cit.*, S. 248.

²⁴ Грачёв В. П. Сербская государственность в X–XIV вв. М., 1972; Наумов Е. П. К историографии законника Стефана Душана // Славяно-балканские исследования: Историография и источниковедение. М., 1972. С. 219–228.

Grachev V. P., *Serbskaya gosudarstvennost' v X–XIV vv.*, М., 1972; Naumov E. P., *K istoriografii zakonnika Stefana Dushana*, Slavyano-balkanskiye issledovaniya: Isto-riografiya i istochnikovedenie, М., 1972, S. 219–228.

Зарождение дубровницкой коммуны связано с возросшей регулирующей социальных отношений, которые с определенного времени начали фиксироваться письменно. Коммуна представляла собой политическое учреждение, сам термин «коммуна» является правовым понятием²⁵. Городская коммуна состояла из четко обозначенного круга граждан (*cives*), связанных друг с другом клятвой; она располагала судебной инстанцией, действовавшей на определенной территории как городской, так и сельской округи; все граждане (*cives*, члены коммуны), горожане (*habitatores*, жители в городе) и приезжие на территории коммуны подчинялись суду коммуны, но лишь граждане обладали политическими правами. Цель коммуны – объединение всех её членов для обеспечения мира, согласия как внутри её, так и за её пределами. Правовой смысл коммуны подтверждается Статутом 1272 г. и дальнейшими приложениями к нему. Эти законодательные документы и оказались в центре исследований А. В. Соловьёва в 1920–1930-е гг.

О Дубровницкой республике и её политическом устройстве историк мог получить некоторые знания ещё обучаясь в Варшаве. Профессор университета В. В. Макушев (1827–1883) первым из русских славистов опубликовал архивные материалы о Дубровнике. Будучи на государственной службе в качестве секретаря русского консульства, он прожил в городе четыре года (с начала 1862-го до конца 1865 г.). За это время он, по собственным словам, «собрал большой запас материалов по истории внешних сношений Дубровницкой республики и немало памятников литературных и юридических»²⁶. Наряду с нарративными текстами, привлекавшими внимание российских историков, такими, к примеру, как сочинения Филиппа де Диверсиса, В. В. Макушев опубликовал на языке оригинала несколько документальных источников. Но, несмотря на ходатайство российского посольства в Вене (Дубровник в то время входил в состав Австро-Венгерской империи), он так и не получил доступа в исторический архив города.

А. В. Соловьёв оказался в Дубровнике в другой политической ситуации. В 1918 г. было провозглашено Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1928 г. Королевство Югославия) со столицей в Белграде. Дубровник вошёл в хорватскую часть нового государства. Статус культурных и научных центров изменился, они стали доступнее для исследователей, это касалось и исторического архива.

Исторический архив Дубровника – один из древнейших в Европе, он хранит ценнейшие сведения по истории Средневековья, привлекая исследователей из разных регионов. Так, в 1920-е гг. известный французский историк Фернан Бродель, работая над обширным проектом по истории Сре-

²⁵ См.: Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече / отв. ред. М.М. Кром. СПб., 2012. С. 228–241.

Shtaindorf L., *Pravil'no li schitat' Novgorod kommunoi?*, Spory o novgorodskom veche, отв. red. M. M. Krom, SPb., 2012, S. 228–241.

²⁶ Макушев В. В. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб., 1867. Приложение к XI тому Записок имп. АН. № 5.

Makushev V. V., *Issledovaniya ob istoricheskikh pamyatnikakh i bytopisatelyakh Dubrovnik*, SPb., 1867, Prilozhenie k XI tomu Zapisok imp. AN, № 5.

диземноморья, обнаружил в архиве Дубровника важные документы и не единожды их цитировал. Заметим, что Ф. Бродель и А. В. Соловьёв трудились в Дубровницком архиве в одни и те же годы.

О своем пребывании в Дубровнике в 1923 г. учёный вспоминал: «Когда я писал статью «Могилы Войновичей», – а писал я её из уважения к покойному Иво Войновичу, – то живо припоминал незабываемые вечера, проведенные в Дубровнике. ... В этой статье я показал, как в личности поэта слились в единое различные семейные традиции: и «славянофильство» Св. Петра Цетиньского (бококаторская кровь деда и прадеда), и классические традиции Дубровника (итальянско-дубровницкая кровь матери), и иллиризм Людевита Гая (хорватские традиции отца), чтобы из великого поэта сделать и великого югословянина, для которого католики и православные одинаково близки»²⁷.

Особый интерес для историка права могли представлять законодательные документы, хранящиеся в архиве. Пространный и систематизированный свод законов Дубровника был записан в 1272 г. и назывался *Liber statutorum Civitatis Ragusii*. Впервые полный текст Статута был издан академиком-правоведами Вальтазаром Богишичем и Константином Иречком в 1904 г. Однако еще в 1860-х гг. В. Богишич, уроженец Дубровника, опубликовал несколько работ о Статуте, которые привлекли внимание к этому памятнику русских славистов Т. Д. Флоринского и Ф. И. Леонтовича. Их работы были известны Соловьёву ещё по учёбе в Варшаве.

Текст Статута содержал богатейший материал для изучения социально-экономического и политического развития Дубровника, в том числе и историю его политической элиты – нобилей (патрициат).

Решения и постановления органов городского управления (Большого, Малого советов, Сената) были собраны в Книги реформаций, которые велись регулярно с начала XIV в. и до падения Республики в 1808 г. При содействии Югославянской академии наук и искусств в Загребе Книги реформаций были изданы во второй половине XIX в.

Важнейшие решения, имевшие силу закона, были извлечены из Книги реформаций еще в 1335 г. и записаны отдельно. Так возникла Книга всех реформаций (*Liber omnium Reformationum*), имевшая связь со Статутом 1272 г. В Книгу всех реформаций заносились постановления, действие которых было рассчитано на продолжительное время. В отличие от Статута она не имела строгой системы. К Книге всех реформаций были присоединены законы, касающиеся вновь приобретённых Дубровником территорий на полуострове Пелешац. Эти документы А. В. Соловьёв совместно с М. Петерковичем издали в Белграде в 1936 г. Таким образом, для изучения правовых норм Дубровницкой республики (так ее стали называть с XV в.) была создана документальная база. Все названные издания имеются в российских библиотеках. Они легли в основу многих исторических исследова-

²⁷ Цит. по: *Арсеньев А.Б.* Русская эмиграция в Дубровнике. С. 104.
Arsen'ev A. B., Russkaya emigratsiya v Dubrovnike, S. 104.

ний. Диссертационные работы Н. П. Мананчиковой и Н. Н. Подопригородной, которые мне привелось рецензировать, объективно оценивали информативные возможности законодательных источников Дубровника.

Наряду с изданием правовых документов Соловьёв изучал субъекты права, т.е. тех, кто создавал законы и реализовывал их на практике. В Дубровнике это были члены знатных родов, называемых в документах «нобилы», в исторической литературе как синонимы – «патриции», «властела».

В периодическом издании «Дубровницкий лист» в 1924 г. А. В. Соловьёв опубликовал две небольшие заметки. Первая называлась «Материнский язык дубровницкого патрициата в период падения Республики», вторая – «Экономическая мощь и численность дубровницкого патрициата в XV в.». В 1931 г. его пригласили участвовать в сборнике научных публикаций в честь известного филолога и историка Милана Решетара. А. В. Соловьёв предложил статью «Патрициат Рагузы в XV веке».

Готовя к публикации постановления Большого совета Дубровника, историк обратил внимание на документ начала XV в., фиксирующий задачу вновь приобретенных земель. Городская коммуна купила у сербских правителей плодородные области Стон и Конавли. Новые земли были разделены на участки-десятины (*desen*). Каждый взрослый получал 1 десятину, юноши (от 14 до 18 лет) – 2 четверти, а ребенок – 1 четверть. В документе были перечислены 37 патрицианских родов с указанием имен и количества полученной земли, А. В. Соловьёв их опубликовал. Далее он процитировал отрывок из «Описания города Рагуза» итальянца Филиппа де Диверсиса по изданию В. Брунелли 1880 г.

Диверсис был городским нотариусом, потому владел юридической точностью в описании сущности сословия нобилей (именно этот термин он употреблял). Диверсис назвал нобилей торговцами высшего ряда и уточнял: «Может быть, кто-то удивится, почему я назвал нобилей торговцами, так как знатность находится в противоречии с торговлей. Я желал бы, чтобы он знал, что дубровницкий край вследствие бесплодия почвы и точно так же вследствие многочисленности жителей имеет такие малые доходы, что никто не может жить со своих земельных владений, кроме немногих, более богатых, чем остальные»²⁸. Итак, именно нобили укрепили своё экономическое могущество после приобретения новых земель, что проявилось в увеличении числа знати.

Это подтверждается данными таблицы о численности мужского населения в каждой семье, составленной Соловьёвым. Он подсчитал, что, при условии равенства численности мужского и женского населения, в 1423 г. нобилей было 800 человек, а к 1442 г. – 1100 человек, т.е., по его

²⁸ Филипп де Диверсис. Описание славного города Дубровника / перевод Н.П. Мананчиковой. Воронеж, 2012. С. 71.

Filipp de Diversis, *Opisanie slavnogo goroda Dubrovnika*, perevod N. P. Mananchikovoi, Voronezh, 2012, S. 71.

данным, рост за 19 лет составил 43,7%. Историк восклицал: «Более 2 % в год – это исключительное соотношение»²⁹.

Объяснение этому факту он видел в том, что после череды эпидемий XIV в. произошло перераспределение состояний патрицианских родов. Новые земли были не только плодородны, но на них нобили возвели удобные летние постройки, где семьи пережидали летнюю жару и пр. XV в. стал веком новых коммерческих возможностей, что потребовало увеличения административных служб. Законодательная, судебная и исполнительная власть полностью находилась в руках нобилей, но её надо было отстаивать. Уменьшение численности взрослых мужчин, заседавших в Большом совете, могло бы привести к коллапсу власти. Замыкание сословия нобилей произошло в 1332 г. по образцу Венеции. В Большом совете могли заседать только те, чьи деды относились к знатному роду. Мезальянсы запрещались. Однако в 1462 г., как пишет Соловьёв, пришлось регулировать заключение браков, чтобы не допустить вымирания рода. Историк отмечал и законодательные меры по увеличению числа членов Совета. Так, 10 июня 1667 г., через два месяца после страшного землетрясения, в заседании Большого совета собралось только 38 человек. Десять семей из числа не знатных горожан были введены в Совет для выполнения разных обязанностей по управлению обширной территорией Республики. Именно так её стали называть, политический строй охарактеризован А. В. Соловьёвым как аристократическая республика.

В заключении А. В. Соловьёв, ссылаясь на работы М. Решетара, указывал, что в Дубровнике к 1925 г. осталось только 6 аристократических семей. Однако «следует помнить, что сословие нобилей, хотя и двуязычное по своему происхождению, – писал А. В. Соловьёв, – стало мощным средоточием сербо-хорватской литературы». Знать Дубровника дала много писателей и поэтов, которые «способствовали развитию поэтического языка и национального чувства югославо». Так русский историк-эмигрант оценил вклад славянских литераторов в формирование идеи югославизма, столь необходимой в Королевстве Югославия.

Небольшая работа А. В. Соловьёва, написанная по-французски, стала первой в числе многочисленных трудов по истории дубровницкой знати. Эту тему развивали и советские историки Н. П. Мананчикова, М. М. Фрейденберг, Н. А. Лучинина, Н. Н. Подопрigorова³⁰. Совсем недавно хорватский

²⁹ Soloviev A. Le Patriziat de Raguse au XV-e siècle // Zbornik iz dubrovačke prošlosti Milanu Rešetaru o 70-oj godišnjici života prijatelji i učenici. Dubrovnik, 1931. С. 65.

³⁰ Фрейденберг М. М. Дубровник и Османская империя. М., 1989; Лучинина Н. А. Дубровник конца XVIII века глазами русского дипломата // Общество и культура на Балканах в средние века. Калинин, 1985. С. 79–97; Мананчикова Н. П. Социально-политическое развитие и проблемы торговли Дубровника в XIII – первой половины XV века. Воронеж, 2008; Подопрigorова Н. Н. Дубровник: структура власти и правящая элита (вторая половина XIII – первая половина XV вв.) Воронеж, 2003.

Freidenberg M. M., *Dubrovnik i Osmanskaya imperiya*, М., 1989; Luchinina N. A., *Dubrovnik kontsa XVIII veka glazami russkogo diplomata*, Obshchestvo i kul'tura na Balkanakh v srednie veka, Kalinin, 1985, S. 79–97; Mananchikova N. P., *Sotsial'no-politicheskoe razvi-*

историк Н. Векарич завершил многотомное исследование «Нобилитет города Дубровника», где представлена генеалогия всех патрицианские фамилий – от первых упоминаний до современности³¹. В этом труде учтены публикации русского историка-правоведа А. В. Соловьёва, хотя оценка им не дана.

Отметим ещё один сюжет в исследованиях А. В. Соловьёва, связанный с Дубровником. Работая с архивными документами, историк обращался к публикациям своих предшественников. Как сказано выше, на русскую школу исторического правоведения оказали влияние труды В. Богишича, родившегося в Дубровнике. Его родовой дом находился недалеко от города, в Цавтате, в нём хранились библиотека и обширный архив семейства. В начале 1920-х гг. он ещё не был систематизирован и описан, но исследователи допускались к его материалам. А. В. Соловьёв на их основе впервые проанализировал методы работы Богишича, написал его биографию, рассмотрел проблематику университетских лекций, оценил взгляды Богишича на соответствие обычая и закона. А. В. Соловьёв дал источниковедческую характеристику комплексу документов в коллекции, датированных XVI–XVII вв., сообщил о деятельности этого правоведа в Болгарии после освобождения от турецкого владычества. Шесть публикаций А. В. Соловьёва заложили основу будущих академических издательских проектов, реализованных в современной Сербии и Хорватии³².

Научные труды А. В. Соловьёва по истории славянского права, порою вышедшие в малодоступных ныне изданиях, всё же не остались простым «историографическим фактом», а послужили основой для новых проектов и размышлений историков-славистов.

Список литературы:

1. Аврамович С. Житие и труды Александра Соловьёва, корифея истории права // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 237–250.
2. Антошин А. В. Научные связи А.В. Соловьёва в эмиграции в 1950–1960-е гг. (по материалам Русского архива в Лидсе) // Славяноведение. 2010. № 4. С. 49–54.
3. Арсеньев А. Б. Русская эмиграция в Дубровнике // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2010. Вып. X. С. 75–140.
4. Арсеньев А. Б. У излуцины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М.: Русский путь, 1999. – 256 с.
5. Баран Х., Душечкина Е. В. Вокруг «Слова о полку Игореве». Из переписки Р.О. Якобсона и А.В. Соловьёва // Славяноведение. 2000. № 4. С. 50–78.

tie i problemi trgovli Dubrovnika v XIII – prvoji polovini XV veka, Voronezh, 2008; Podoprigrorova N. N., *Dubrovnik: struktura vlasti i pravya-shchaya elita (vtoraya polovina XIII – pervaya polovina XV vv.)*, Voronezh, 2003.

³¹ Vekarić N. Vlastela grada Dubrovnika. Dubrovnik, 2011–2013. Sv. 1–3.

³² См.: Pederin I., Vorobjova I. Pisma Balda Bogišića i Frane Bulića Karelu Kadlecu // Croatica et Slavica Iadertina. Zadar: Sveučilište u Zadru, 2012. 8/1. S. 245–258.

6. *Бондарева Е. А.* Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья: Работы русских историков-эмигрантов белградского круга, 1920–1941 гг. М.: Вече, 2012. – 448 с.
7. *Грачёв В. П.* Сербская государственность в X–XIV вв. М.: Наука, 1972. – 330 с.
8. *Досталь М. Ю.* Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М.: «Индрик», 2009. – 464 с.
9. *Иванов А. Е.* Варшавский университет в конце XIX – начале XX века // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.). Варшава, 1995. С. 198–205.
10. *Косик В. И.* Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2000. – 288 с.
11. *Косик В. И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде: 1920–1950-е годы. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. Ч. 1. – 288 с.
12. *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М.: «Индрик», 2012. – 840..
13. *Лаптева Л. П.* Научная и педагогическая деятельность русского историка права, слависта Ф.Ф. Зигеля // История и историки: Историографический вестник. 2006. М., 2007. С. 257–303.
14. *Лучинина Н. А.* Дубровник конца XVIII века глазами русского дипломата // Общество и культура на Балканах в средние века. Калинин, 1985. С. 79–97.
15. *Макушев В. В.* Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб., 1867. Приложение к XI тому Записок имп. АН. № 5.
16. *Мананчикова Н. П.* Социально-политическое развитие и проблемы торговли Дубровника в XIII – первой половины XV века. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2008. – 358 с.
17. *Михальчик Р.* История сербского права в трудах Фёдора Тарановского // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 223–236.
18. *Наумов Е. П.* К историографии Законника Стефана Душана // Славяно-балканские исследования: Историография и источниковедение. М., 1972. С. 219–228.
19. *Пашуто В. Т.* Русские историки эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. – 400 с.
20. *Подопригорова Н. Н.* Дубровник: структура власти и правящая элита (вторая половина XIII – первая половина XV вв.). Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. – 222 с.
21. *Соловьёв А. В.* Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 24–38.
22. *Томсинов В. А.* Фёдор Васильевич Тарановский (1875–1936). Биографический очерк // Тарановский Ф.В. История русского права / под ред. и с

- пред. В. А. Томсинова. – «Русское юридическое наследие» – М.: Зерцало, 2014. С. VII–XXX.
23. *Фрейденберг М. М.* Дубровник и Османская империя. М.: Главная редакция восточной литературы изд-во «Наука», 1989 – 303 с.
24. *Штайндорф Л.* Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече / отв. ред. М.М. Кром. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. С. 228–241.
25. *Pederin I., Vorobjova I.* Pisma Balda Bogišića i Frane Bulića Karelu Kadlecu // *Croatica et Slavica Iadertina*. Zadar: Sveučilište u Zadru, 2012. 8/1. S. 245–258.
26. *Soloviev A.* Le Patriziat de Raguse au XV-e siècle // *Zbornik iz dubrovačke prošlosti Milanu Rešetaru o 70-oj godišnjici života prijatelji i učenici*. Dubrovnik, 1931. С. 65.
27. *Vekarić N.* Vlastela grada Dubrovnika. Dubrovnik, 2011–2013. Sv. 1–3.

LEGAL STATUS OF THE MEDIEVAL DUBROVNIK IN THE WORKS OF RUSSIAN HISTORY AV SOLOVYOV

I. G. Vorobyova

The Tver State University, The Dept of General History, Tver, Russia

A. V. Solovyov (1890-1971), the graduate of the Warsaw university, the famous expert in history of the Slavic right, having appeared in emigration, continued and developed the full-fledged scientific direction in the Russian Slavic philology which arose at the beginning of the 19th century. In libraries and archives of royal Yugoslavia, on Athos a number of important archival documents on stories of the right of medieval Serbia and the Dubrovniksky republic allowed it to publish and analyse a possibility of work. A. V. Solovyov's publications became available in the USSR since the end of the 1940th and were actively studied by the Russian historians, including at universities of Tver and Voronezh. Several debatable articles and monographs on stories of the right and the power in the Dubrovniksky republic based including on publications of the legislative documents which are carried out by A. V. Solovyov in emigration were issued.

Keywords: *Chair of Slavic Law in Russian Universities, A.V. Solovyov, the Dubrovnik patrician and his legislative activity, Slavic studies in Russia in the 19th and 20th centuries.*

Об авторе:

ВОРОБЬЁВА Ирина Геннадиевна – доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет, (Россия, 170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 215), e-mail: dubrovnik@mail.ru

About the author:

VOROBYOVA Irina Gennadievna – The Doctor of History, The Professor, The Dept of General History, The Tver State University, (170100, Tver, Trekhsvyatsky Str., 16/31), e-mail: dubrovnik@mail.ru

References:

- Avramovich S., *Zhitie i trudy Aleksandra Solov'eva, korifeya istorii prava, Russkaya emigratsiya v Yugoslavii*, M., 1996, S. 237–250.
- Antoshin A. V., *Nauchnye svyazi A.V. Solov'eva v emigratsii v 1950–1960-e gg. (po materialam Russkogo arkhiva v Lidse)*, Slavyanovedenie, 2010, № 4, S. 49–54.
- Arsen'ev A. B., *Russkaya emigratsiya v Dubrovnike*, Evropa: Mezhdunarodnyi al'manakh, Tyumen', 2010, Vyp. X, C. 75–140.
- Arsen'ev A. B., *U izluchiny Dunaya: Ocherki zhizni i deyatel'nosti russkikh v Novom Sadu*, M.: Russkii put', 1999. – 256 s.
- Baran Kh., Dushechkina E. V., *Vokrug «Slova o polku Igoreve»*. *Iz pere-piski R.O. Yakobsona i A.V. Solov'eva*, Slavyanovedenie, 2000, № 4, S. 50–78.
- Bondareva E. A., *Pax Rossica. Russkaya gosudarstvennost' v trudakh istorikov zarubezh'ya: Raboty russkikh istorikov-emigrantov belgradskogo kruga, 1920–1941 gg.*, M., Veche, 2012. – 448 s.
- Grachev V. P., *Serbskaya gosudarstvennost' v X–XIV vv.*, M., Nauka, 1972. – 330 s.
- Dostal' M. Yu., *Kak Feniks iz pepla... (Otechestvennoe slavyanovedenie v period Vtoroi mirovoi voiny i v pervye poslevoennye gody)*, M., «Indrik», 2009. – 464 s.
- Ivanov A. E., *Varshavskii universitet v kontse XIX – nachale XX veka*, Pol'skie professora i studenty v universitetakh Rossii (XIX – nachalo XX v.), Varshava, 1995, S. 198–205.
- Kosik V. I., *Russkaya tserkov' v Yugoslavii (20–40-e gg. XX veka)*, M., Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii bogoslovskii institut, 2000. – 288 s.
- Kosik V. I., *Chto mne do vas, mostovye Belgrada? Ocherki o russkoi emigratsii v Belgrade: 1920–1950-e gody*, M., Institut slavyanovedeniya RAN, 2007, Ch. 1. – 288 s.
- Lapteva L. P., *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v kontse XIX – pervoi treti XX v.*, M., «Indrik», 2012. – 840 s.
- Lapteva L. P., *Nauchnaya i pedagogicheskaya deyatel'nost' russkogo istorika prava, slavista F.F. Zigelya*, *Istoriya i istoriki: Istoriograficheskii vestnik*, 2006, M., 2007, S. 257–303.
- Luchinina N. A. *Dubrovnik kontsa XVIII veka glazami russkogo diplomata*, Obshchestvo i kul'tura na Balkanakh v srednie veka, Kalinin, 1985, S. 79–97.
- Makushev V. V., *Issledovaniya ob istoricheskikh pamyatnikakh i bytopisatelyakh Dubrovnika*, SPb., 1867, Prilozhenie k XI tomu Zapisok imp. AN. № 5.

- Mananchikova N. P., *Sotsial'no-politicheskoe razvitie i problemy trgovli Dubrovnik v XIII – pervoi poloviny XV veka*, Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2008. – 358 s.
- Mikhal'chich R., *Istoriya serbskogo prava v trudakh Fedora Taranovskogo, Russkaya emigratsiya v Yugoslavii*, M., 1996, S. 223–236.
- Naumov E. P., *K istoriografii Zakonnika Stefana Dushana*, Slavyano-balkanskie issledovaniya: Istoriografiya i istochnikovedenie, M., 1972, S. 219–228.
- Pashuto V. T., *Russkie istoriki emigranty v Evrope*, M., Nauka, 1992. – 400 s.
- Podoprigorova N. N., *Dubrovnik: struktura vlasti i pravyashchaya elita (vtoraya polovina XIII – pervaya polovina XV vv.)*, Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2003. – 222 s.
- Solov'ev A. V., *Velikaya, Malaya i Belaya Rus'*, *Voprosy istorii*, 1947, № 7, S. 24–38.
- Tomsinov V. A., *Fedor Vasil'evich Taranovskii (1875 – 1936). Biograficheskii ocherk*, Taranovskii F. V., *Istoriya russkogo prava*, pod red. i s pred. V. A. Tomsinova, «Russkoe yuridicheskoe nasledie», M., Zertsalo, 2014, S. VII–XXX.
- Freidenberg M. M., *Dubrovnik i Osmanskaya imperiya*, M., Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izd-vo «Nauka», 1989 – 303 s.
- Shtaindorf L., *Pravil'no li schitat' Novgorod kommunoi?*, *Spory o novgorodskom veche*, otv. red. M. M. Krom, SPb., Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2012, S. 228–241.

Статья поступила в редакцию 06.02.2017 г.